

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Мадамъ Талльенъ.

При этомъ имени пробуждаются всѣ представленія о красотѣ, какую только въ состояннн создать фантазія для очаровательныхъ женщинъ. Тереза была дочерью графа Кабаррю и прекрасной Галаберъ и родилась въ Испаннн.

Молодой дѣвушкой она прибыла во Францію и ввезла съ собою тотъ размахъ страстей, который не-свойственъ въ такомъ размѣрѣ обитателямъ этой страны.

Ея отецъ пользовался большимъ расположеніемъ при дворѣ Карла III Испанскаго и могъ составить себѣ хорошее состоянн, такъ какъ считался способнѣйшимъ финансистомъ королевства.

Женившись на прекрасной Галаберъ, графъ Кабаррю неоднократно посѣщаль Парижъ, отчасти для собственнаго удовольствія, отчасти по дѣламъ. Въ послѣдннн прнѣздъ свой въ Парижъ, съ Терезой Кабаррю, которой тогда исполнилось шестнадцать лѣтъ, познакомился господинъ Девэнъ, маркизъ де-Фонтеней. Пораженный ея замѣчательной красотой, онъ проснлъ ея руки, въ чемъ ему не было отказано.

Въ короткое время она сдѣлалась украшеніемъ самаго избраннаго парижскаго общества. Въ своемъ салонѣ она принимала Лафайета, братьевъ Ламетъ, Фа-віера и многихъ другихъ.

Но брак Терезы не былъ счастливымъ. Маркизь де-Фонтеней спустилъ почти все ея приданое. Когда наступило время, неблагоприятное для французской знати, онъ, разведясь по обоюдному, какъ говорили, согласію съ женой, вмѣстѣ съ другими титулованными лицами эмигрировалъ изъ Франціи.

Она совершенно не была расположена раздѣлять аристократическіе взгляды маркизы. Въ своей юношеской страсти, Тереза быстро увлекалась всѣмъ, что вдохновляло мысль. Ее заинтересовало народное движеніе, развившееся съ внезапною силой. Скоро ея вниманіе было поглощено только гражданской добродѣтелью, проявленіемъ патріотизма, вызваннаго республиканскимъ духомъ, вѣнками изъ дубовыхъ листьевъ, которыми вознаграждали оказавшихъ отечеству услуги, надгробными надписями въ ознаменованіе братской любви къ ближнему и пренебреженіемъ личными интересами ради общаго блага.

Здѣсь мы приведемъ выдержку изъ замѣчательнаго адреса маркизы де-Фонтеней, отъ 5 флореаля II года, представленнаго ею Конвенту: „Граждане, народные представители! такъ какъ нравственность составляетъ главный предметъ обсужденія на вашихъ великихъ совѣщаніяхъ, при чемъ каждая изъ партій, которую вы низвергаете, съ новой силой возвращаетъ васъ къ убѣжденію въ той неоспоримой истинѣ, что добродѣтель является внутреннимъ содержаніемъ жизни республики и что добрые нравы должны поддерживать все добытое народными учрежденіями, то не вправѣ-ли мы думать, что ваши взоры съ живымъ интересомъ остановятся на той части рода человѣческаго, которая имѣетъ на нихъ столь значительное вліяніе? Горе женщинамъ, которыя, пренебрегая указаннымъ имъ самою природою прекраснымъ назначеніемъ, будутъ притворяться безсмысленнымъ желаніемъ присвоить себѣ преимущества мужчинъ, чтобы освободить себя отъ собственныхъ сво-

ихъ обязанностей и тѣмъ самымъ лишиться добродѣтелей своего пола, не будучи въ состояніи пріобрѣсти добродѣтели другой половины рода человѣческаго“.

„Но, не будетъ ли несчастьемъ, когда имъ, во имя природы, станутъ препятствовать пользоваться тѣми политическими правами, которыя создаютъ важныя рѣшенія и устройства общественной жизни, если во всѣхъ значительныхъ вопросахъ онѣ сознательно будутъ считать себя посторонними“?

„Въ республикѣ, конечно, все должно быть республиканскимъ, и никакое существо съ здравымъ разсудкомъ не можетъ, не навлекая на себя позора, уклоняться отъ служенія отечеству. Вы, вѣроятно, предоставите женщинамъ мѣста въ учрежденіяхъ для народнаго образованія, такъ какъ не можете же вы допустить, что онѣ будутъ равнодушны, когда рѣчь коснется воспитанія дѣтей, и, въ особенности, дѣтей, лишившихся матерей“?

„Но, что это такое, что заставляетъ меня съ такимъ особеннымъ довѣріемъ выступить передъ вами сегодня? Я требую почетнаго преимущества для женщинъ, допустить ихъ во всѣ священныя убѣжища несчастья и страданій, чтобы тамъ онѣ могли доставлять и утѣшеніе всѣмъ достойнымъ состраданія. Мнѣ представляется, что эти учрежденія являются настоящими мѣстами для дѣвушекъ, въ періодъ ихъ образованія, прежде чѣмъ онѣ станутъ женами. Итакъ, народные представители, прикажите, мы уполномочиваемъ васъ, чтобы всѣ молодыя дѣвушки извѣстное время проводили въ убѣжищахъ бѣдствій и страданій, оказывая помощь несчастнымъ и упражняясь во всѣхъ иныхъ добродѣтеляхъ, которыхъ общество имѣетъ право ожидать отъ нихъ“.

„Граждане, народные представители, та, которая въ настоящій моментъ излагаетъ передъ вами свои мысли, свои искреннія чувства, еще молода, двадцати лѣтъ,

но она мать, хотя болѣе уже не супруга. Всѣ ея помыслы, все ея счастье, заключаются въ томъ, чтобы первую явиться въ подобное учрежденіе и предаться тамъ столь сладостной и восхитительной дѣятельности“.

„Благоволите отнестись съ интересомъ къ этому горячему пожеланію и да будетъ оно, при вашемъ сочувствіи, пожеланіемъ всей Франціи“!

Конвентъ внимательно выслушалъ этотъ адресъ и вполне его одобрилъ. Адресъ былъ переданъ въ комитетъ общественнаго благосостоянія.

И вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, эта прекрасная маркиза, эта царица салоновъ, эта свѣтская, жизнерадостная богиня превращается въ обыкновенную гражданку, благотворительницу, сестру милосердія, строгую воспитательницу и всею душою преданную республикѣ. Двадцати лѣтъ и въ полномъ расцвѣтѣ ея ангельской красоты!

Послѣ паденія жиронды, маркиза де-Фонтеней поѣхала въ Бордо, чтобы повидаться тамъ со своимъ отцомъ. Но вслѣдствіе ли поспѣшности, или потому, что ей нельзя было поступить иначе, однимъ словомъ ея бумаги оказались не въ порядкѣ; ее арестовали и заключили въ бордосскую тюрьму.

Въ это время Бордо былъ средоточіемъ жестокихъ дѣйствій партіи горы, преслѣдовавшей съ ненасытной жаждой крови бѣжавшихъ въ стѣны этого города жирондистовъ. Тамъ господствовалъ жестокій проконсулъ Талльенъ, который однимъ изъ первыхъ началъ беспощадную борьбу противъ главарей жиронды. Онъ былъ въ числѣ главныхъ зачинщиковъ событій съ 31 мая по 2 іюня, событій, въ силу которыхъ жиронда была обречена на неизбѣжную гибель. Благодаря своему участию въ этомъ дѣлѣ, онъ настолько прославился, что революціонные комитеты возложили на него выполнение своихъ ужасныхъ мѣропріятій.

Онъ даже поселился въ одномъ изъ домовъ на пло-

щади, вблизи того мѣста, гдѣ была сооружена гильотина, гдѣ взоръ его ежедневно устремлялся на отвратительныя зрѣлища приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, имъ же самимъ постановляемыхъ. Первоначально коса смерти работала въ политическихъ рядахъ, а затѣмъ дошла и до головъ богатыхъ купцовъ.

Въ театрѣ, во время представленія, объявили подозрѣваемыми и актеровъ и зрителей, и всѣхъ приговорили къ смертной казни.

Въ одномъ городѣ обнаружился голодъ, всю вину въ которомъ приписали скупщикамъ; это послужило поводомъ удвоить строгости. При такихъ обстоятельствахъ легко могло случиться, что и маркиза де-Фонтеней будетъ обречена на вѣрную гибель.

Тогда ей пришла мысль въ голову написать Талльену требованіе своего освобожденія, или, по крайней мѣрѣ, заинтересовать его своей участью. Прежде онъ неоднократно встрѣчался съ нею въ высокопоставленномъ обществѣ. Въ это время Талльенъ былъ очень красивый молодой человекъ двадцати четырехъ лѣтъ, пылкій и краснорѣчивый. Одного взгляда красивой женщины было достаточно для укрощенія этого дикаго инквизитора. И вотъ, такой взглядъ совершенно измѣнилъ сердце Талльена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю внѣшнюю обстановку революціи.

Маркиза де-Фонтеней была освобождена. Съ этого времени, въ Бордо прекратились насильственные дѣйствія и, вслѣдъ за обиліемъ варварскихъ мѣрѣ, наступила система кротости.

Ежедневно красивая просительница добивалась у Талльена помилованій. Ея прелести производили на него такое неотразимое впечатлѣніе, что этотъ прежде горячій преслѣдователь обратился въ благодѣтельнаго гражданина.

Знакомый Талльена, нѣкто маркизъ де-Паруа, такъ описывалъ жилище маркизы де-Фонтеней: „Я думалъ,

что попалъ въ обитель музъ: открытое фортепяно съ разбросанными возлѣ него нотами, гитара на диванѣ, арфа въ углу, передъ нею пюпитръ съ тетрадами и листками нотъ, на другой сторонѣ мольбертъ съ начатою картиною, палитра, кисти и масляныя краски разбросаны въ геніальномъ безпорядкѣ, возлѣ окна столикъ съ лежавшей на немъ начатою миниатюрном картинкой, въ простѣнкѣ превосходный письменный столикъ съ нѣсколькими рукописями, книжный шкафъ съ весьма интересными книгами, а у другого окна пальцы съ начатымъ въ нихъ затѣйливымъ вышиваньемъ“. Пораженный такой обстановкой, маркизъ де-Паруа сказалъ маркизѣ де-Фонтеней: „Ваши таланты всеобъемлющи, но доброта ваша превосходитъ ихъ, красота же ваша не имѣетъ совсѣмъ соперницъ. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ такимъ сочетаніемъ прелести и красоты“.

Однако, Талльенъ и маркиза де-Фонтеней не были единственными, отъ которыхъ могло зависѣть многое; капризный произволь и большое вліяніе жестокаго Лаккомба брали часто верхъ надъ ними. Талльенъ былъ устраненъ и отозванъ обратно въ Парижъ, обвиненный въ сильномъ смягченіи террористическихъ мѣропріятій. Маркиза де-Фонтеней не замедлила послѣдовать за нимъ, но она была объявлена зачинщицей смягченія, ослабившаго революціонное движеніе въ Бордо. Въ этомъ дѣлѣ особенно хлопотали шпіоны Робеспьера, питавшіе давнишнюю злобу на Талльена и бдительно слѣдившіе за дѣйствіями маркизы. Они арестовали ее тотчасъ же по прибытіи ея въ Парижъ. Никогда еще ни одна жертва Робеспьера не преслѣдовалась съ такимъ ожесточеніемъ какъ маркиза де-Фонтеней.

Еще въ Бордо говорили о томъ, чтобы военный судъ арестовалъ и судилъ ее. Одинъ доброжелатель, хорошо обо всемъ освѣдомленный, поспѣшилъ написать ей, чтобы она бѣжала въ одно изъ селеній на Луарѣ и

предупреждалъ, что пріѣдетъ и самъ туда для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Черезъ десять дней по полученіи этого письма, она была уже въ Фонтеней-о-Розѣ, но на другой день выѣхала въ Парижъ. Опасность росла, такъ какъ изъ Бордо писали, что она покинула этотъ городъ и поиски ея тамъ являются лишь непроизводительной тратой времени. Тайные агенты Робеспьера, Лаваллетъ и Буланже въ особенности усердствовали. Маркизу выслѣдили и ей не оставалось другого исхода, какъ попытаться бѣжать въ Версаль, чтобы тамъ укрыться; но, въ тотъ самый моментъ, когда она уже хотѣла переступить порогъ дома одной дружественной семьи, появился Буланже и арестовалъ ее.

Въ приказѣ объ арестѣ говорилось, что арестована должна быть не только гражданка Кабаррю-Фонтеней, но и всѣ тѣ, кого застанутъ вмѣстѣ съ ней. Съ большимъ трудомъ удалось добиться, чтобы эта дружественная семья была оставлена въ своемъ домѣ подъ надзоромъ двухъ часовыхъ; а такъ какъ оно готово было дать убѣжище скрывавшейся маркизѣ, то его подозревали въ заговорѣ съ ней.

Какую ужасную ночь провели всѣ! Около полуночи на гауптвахту въ Елисейскихъ Поляхъ была доставлена прежде всего главная жертва, а отсюда отправлена въ тюрьму Ля-Форсъ. Между тѣмъ, той же опасности подвергалась и семья, у которой маркиза намѣревалась укрыться, пока одному пріятелю не удалось освободить этихъ бѣдняковъ изъ такого положенія.

Тѣмъ временемъ маркиза де-Фонтеней была уже въ тюрьмѣ. Ее заключили въ одиночную камеру, гдѣ ей пришлось лежать на голой соломѣ, которую совсѣмъ не мѣняли. Въ эту мрачную дыру почти не проникалъ дневной свѣтъ, пища давалась въ самомъ ничтожномъ количествѣ и маркиза ежеминутно ожидала, что неумолимая судьба приготовить дня нея что-нибудь еще болѣе мучительное.

Попытка Талльена спасти ее послужила лишь к тому, что к ней примѣнили еще болѣе строгостей. Напрасно требовалъ онъ возвратить ее къ нему, заявивъ, что она жена его, что ручается за нее и что, благодаря оказанныхъ имъ многихъ услугъ революціи, онъ считаетъ себя даже вправѣ требовать ея освобожденія немедленно. Ничто не помогало.

Приближалось 9 термидора, а 7-го маркиза де-Фонтеней писала Талльену: „Только что удалился полицейскій комиссаръ. Онъ приходилъ объявить мнѣ, что завтра я должна предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ, другими словами, вступить на эшафотъ. Это совсѣмъ не похоже на сонъ, который мнѣ приснился сегодня ночью, будто Робеспьера уже не существуетъ и тюрьмы опустѣли. Но, благодаря трусости, во Франціи едва ли скоро найдется человѣкъ, способный осуществить мой сонъ“.

Такой энергичный намекъ возымѣлъ, однако, свое дѣйствіе. Талльенъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Будьте, милостивая государыня, столь же осторожны, насколько я буду мужественнымъ, и добивайтесь только одного, чтобы успокоиться“. И онъ сдержалъ свое слово. вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами, онъ уже ранѣе замышлялъ принять мѣры къ сверженію Робеспьера. 9 термидора онъ вступилъ на трибуну и, потрясая кинжаломъ, обвинялъ тирана. Онъ побѣдилъ, и Робеспьера не стало. Осталось лишь невыясненнымъ, самъ ли Робеспьеръ, или кто-либо изъ враговъ его, произвелъ при этомъ два выстрѣла, раздробившіе ему челюсть. Онъ не говорилъ ни слова, представивъ своимъ противникамъ всячески поносить его. 10 термидора Робеспьеръ и двадцать другихъ лицъ были казнены. Это одно изъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій революціи, благодаря мужеству и прелестьямъ жены Талльена.

Талльенъ не проявилъ бы столько энергіи, еслибы

ни охватившая его бурная страсть не побудила его на это. И онъ былъ вознагражденъ: прекрасная маркиза де-Фонтеней вышла за него замужъ 26 декабря 1794 года.

Но, изъ всего этого еще не слѣдуетъ, что Талльенъ, даже послѣ 9 термидора, какъ въ Конвентѣ, такъ и съ трибуны у Якобинцевъ, оправдался въ своихъ умѣренныхъ дѣйствіяхъ въ Бордо. Каррье обвинялъ его въ томъ, что онъ простиралъ свою снисходительность на преступниковъ въ этомъ городѣ, покровительствуя аристократамъ и барышникамъ.

Почти одновременно съ этимъ его обвиняли и съ другой стороны въ томъ, что онъ арестовалъ 84 актера и 2000 зрителей. Онъ потребовалъ подробнаго разслѣдованія своихъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ, что женился на маркизѣ де-Фонтеней.

Колло д'Эрбуа указалъ Конвенту, что главнымъ поводомъ къ обвиненію слѣдуетъ признать допущеніе вмѣшательства этой дамы, которая со своимъ челоуѣколюбіемъ способствовала ускользанію отъ эшафота жертвъ, предназначавшихся къ вѣрной смерти.

Но Талльенъ благополучно избавился отъ грозившей ему опасности, и всѣ сыпавшіяся на него обвиненія сразу отпали передъ тѣмъ чрезвычайнымъ политическимъ переворотомъ, къ которому онъ присоединился съ поразительнымъ безстрашіемъ.

Молодая супружеская чета избрала своимъ мѣстожительствомъ Шайльо, и вскорѣ салонъ мадамъ Талльенъ приобрѣлъ громкую извѣстность. Это было излюбленнымъ мѣстомъ свиданій всѣхъ вліятельныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія. Талльенъ началъ выказывать себя противникомъ примѣнителей террора и революціонныхъ распоряжковъ. Онъ съ жаромъ возсталъ противъ одного оратора, требовавшего поставить на очередь вопросъ о смертной казни и потребовалъ уничтоженія декрета, въ силу котораго Бордо былъ

объявленъ мятежнымъ. Онъ настаивалъ на освобожденіи мадамъ де-Тузель изъ-подъ ареста, вопреки сопротивленію Билльо. Дюгамъ обвинилъ его въ желаніи уничтожить якобинцевъ, предводителемъ которыхъ онъ былъ раньше. И, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Фрерономъ, онъ сталъ во главѣ партіи умѣренныхъ, которую прозвали „золотою молодежью“ („jeunesse dorée“) Талльена и Фрерона. Но, вскорѣ эта партія почувствовала себя настолько сильной, что была въ состояніи все измѣнить, не пощадивъ даже своихъ вожаковъ. Талльень видѣлъ, что ничего не было забыто изъ его прошлаго, что ему опять начали приписывать сентябрьскіе дни, что все еще продолжали называть его бордосскимъ обманщикомъ и т. д.

Всѣ прежніе революціонеры, которые желали вмѣстѣ съ нимъ вступить на болѣе человѣчный путь, увидѣли, что подвергають серьезной опасности свои головы. Такъ обстояло дѣло надвигавшейся реакціи.

Талльень рѣзко повернулъ вправо и, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Фрерономъ, казалось, вернулся къ своимъ прежнимъ ошибкамъ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, просмотрѣвъ редактировавшіяся имъ газеты „l'Ami du Citoyen“ и „l'Orateur du peuple“ *). На трибунахъ онъ не разъ уже проявлялъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ въ 1792 и 1793 годахъ. Казалось, терроръ оживалъ снова. Два мѣсяца спустя послѣ 9 термидора, 21 сентября 1794 года, останки Марата торжественно были перенесены въ Пантеонъ.

Приблизительно съ этого момента начались разногласія между супругами. Мадамъ Талльень хотѣла снова положить начало утонченности и изящества нравовъ въ Парижѣ, которыми пренебрегали благодаря введенію различныхъ революціонныхъ строгостей и симпатія къ которымъ у ней смѣнилась отвращеніемъ къ послѣд-

нимъ. Женщины, которыя провели зиму въ горести и страхѣ, тосковали объ отсутствіи привычныхъ развлеченій. Имъ хотѣлось торжествъ, концертовъ, баловъ, чтобы выставить напоказъ роскошь своихъ драгоценныхъ вещей, въ противоположность небрежности и нечистоплотности, которыми гордились во времена этихъ ужасовъ. Мода опять начала вступать въ свои права. Женщины и мужчины облачались въ особенно-дорогія одежды. Женщины избрали костюмъ греческой формы, въ которомъ ярко обрисовывались красоты тѣлосложенія, мужчины же впали въ невѣроятное франтовство. Стараясь прослыть щеголями, они перестали выговаривать букву „р“, вслѣдствіе чего простой народъ прозвалъ ихъ „les incroyables“ *). Многие стригли себѣ волосы „à la victime“ **). Эта прическа очень походила на прическу несчастныхъ жертвъ эшафота; движеніемъ головъ при поклонахъ они подражали отдѣленію головы отъ туловища, при чемъ тѣла ихъ какъ бы корчились въ судорогахъ.

Мадамъ Талльень была душою собраній знатнаго общества. Ея красота и изящество туалетовъ приводили всѣхъ въ восторгъ. Она всегда о комъ-нибудь хлопотала и, благодаря умѣнью польстить, любезности и тонкаго кокетства, ей удавалось примирять умы. Къ тому же, она окружала себя красивыми женщинами, которыя помогали ей въ осуществленіи ея плановъ. Между ними въ особенности была одна, съ блестящею будущностью, молодая графиня де-Богарнэ, привлекавшая всѣхъ своей выдающейся красотой. Казалось, что она и мадамъ Талльень только и жили одними удовольствіями.

За столомъ мадамъ Талльень часто сидѣли самые отчаянные революціонеры рядомъ съ людьми, которыхъ

*) «Другъ Гражданина» и «Народный Ораторъ».

*) Невѣроятный, щеголь.

***) Наподобіе жертвъ гильотины.

они, мѣсяцевъ шесть передъ тѣмъ, не задумались бы отправить на эшафотъ, такъ какъ это были аристократы, разбогатѣвшіе спекулянтъ или расточители общественныхъ денегъ. Почти незамѣтно утрачивалась дикая сила ихъ рѣчи и онѣ пріобрѣтали мягкость, какъ равно и измѣнялся ихъ образъ жизни подъ вліяніемъ пріемовъ этого новаго для нихъ общества. Были и такіе, стремленіе которыхъ къ удовольствіямъ довело почти незамѣтно до равнодушія во взглядахъ и забвенія принциповъ.

Но та партія, которую ничто не могло передѣлать и которая оставалась вѣрною революціи, продолжала съ своихъ трибунъ громить Талльена и толпу слѣдовавшихъ за нимъ разныхъ искателей и поставщиковъ. При такихъ условіяхъ не должно удивляться, что между нею и Талльеномъ возникли разномыслія, при чемъ взгляды котораго сдѣлались болѣе неистовыми нежели прежде. Триумфъ, который достался ему въ Конвентѣ, въ годовщину 9 термидора, при чтеніи отчета о побѣдахъ его и генерала Гоша въ Киберонѣ надъ англичанами, былъ вовсе не во вкусъ мадамъ Талльенъ, и она приняла извѣстіе объ этомъ очень хладнокровно. Около 13 вандемьера распространились слухи о тайныхъ ночныхъ собраніяхъ, въ которыхъ обсуждались важные вопросы о предстоящемъ скоро паденіи республики и необходимости возстановленія монархіи. Подозрѣвали, что мадамъ Талльенъ принимала въ нихъ участіе. Эта необычная затѣя была направлена къ тому, чтобы испанскаго короля посадить на французскій престолъ. Но изъ этого ничего не вышло, и мадамъ Талльенъ ограничила свое честолюбіе тѣмъ, что продолжала пользоваться поклоненіемъ въ салонахъ.

Вскорѣ послѣ осады Тулона, ей представился какой-то отставной солдатъ. Жалуясь на свою нужду и показывая на свой протертый въ локтяхъ сюртукъ, онъ сказалъ ей:

— Гражданинъ Талльенъ имѣеть на все большее вліяніе; не можетъ ли онъ отпустить для меня кусокъ сукна по предписанной цѣнѣ?

Мадамъ Талльенъ обѣщала подумать и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней вручила ему просимое.

Бѣдный солдатъ былъ Бонапартъ. Когда у него былъ уже новый сюртукъ, онъ появился въ салонѣ мадамъ Талльенъ, гдѣ познакомился съ красавицей Богарнэ, ставшей впоследствии его женой. Возможно, что это обстоятельство, какъ бы ни казалось оно само по себѣ ничего незначущимъ, было причиною событія, котораго не ожидали. Можетъ быть также, что Наполеонъ объязанъ своимъ возвышеніемъ, какъ Робеспьеръ паденіемъ, именно, мадамъ Талльенъ!

Имѣлъ ли бы Бонапартъ доступъ къ мадамъ Талльенъ безъ этого куска сукна? Могъ ли бы онъ познакомиться съ мадамъ де-Богарнэ? Имѣлъ ли бы онъ случай сойтись съ Баррасомъ? Сталъ ли бы онъ генераломъ, а потомъ императоромъ?

За Конвентомъ послѣдовала директорія. Кружокъ мадамъ Талльенъ послѣ этого сталъ еще болѣе излюбленнымъ. Ничто не походило на прелесть обстановки ея квартиры и роскошь туалетовъ; даже въ богатомъ княжескомъ домѣ не было столько пышности. Баррасъ пользовался здѣсь большимъ вліяніемъ, чѣмъ самъ Талльенъ, который все еще подвергался ненависти и упрекамъ и вся его прошлая жизнь, его общественныя и личныя дѣла составляли неисчерпаемую тему для разговоровъ.

Онъ уже не пользовался прежнимъ расположеніемъ своей жены и, можетъ быть, онъ имѣлъ даже право жаловаться на скоро утратившуюся у ней память о томъ, что онъ для нея сдѣлалъ. Неукротимая жажда къ удовольствіямъ такъ охватила общество, что нравы его приняли какой-то деспотическій характеръ, сопротивляться которымъ никто не осмѣливался. Талльенъ

возвращался домой всегда въ мрачномъ настроеніи, поглощенный заботами. Всѣми пренебрегаемый, самъ питавшій ко всему отвращеніе, онъ сталъ подумывать, не вступить ли ему подъ знамя Бонапарта, развѣвавшееся къ Востоку.

Такимъ образомъ, благодаря переменѣ судьбы, покровительствующій превратился въ покровительствуемаго. Но, генераль оказался довольно скупымъ и полагалъ, что выполнилъ всѣ свои обязанности въ отношеніи Талльена, предоставивъ ему посредственную должность въ контрольномъ вѣдомствѣ. Это онъ сдѣлалъ для мужа. Что же касается мадамъ Талльенъ, то онъ, будучи уже императоромъ, попрежнему благосклонно посѣщалъ ея салонъ, хотя доступъ въ Тюильери для нея все-таки былъ закрытъ!

Во II году Талльенъ отправился въ Египетъ и вернулся въ Парижъ только въ IX году. На обратномъ пути онъ попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ. Когда онъ прибылъ въ Парижъ, то высокопоставленные друзья его сообщили ему, что во время его отсутствія у его жены родилось двое дѣтей, и предупредили, что она приметъ его не очень дружелюбно. Тогда онъ замедлилъ своимъ появленіемъ къ ней и, при содѣйствіи вліятельныхъ лицъ, затѣялъ дѣло о разводѣ. Тѣмъ временемъ у ней родился третій ребенокъ.

Когда, 18 іюля 1805 года, мадамъ Талльенъ вышла замужъ за графа Карамана, оба прежніе ея мужа были еще живы. Она имѣла сына отъ маркиза де-Фонтеней и дочь отъ Талльена. Вскорѣ послѣ женитьбы графъ Караманъ получилъ титулъ принца де-Шимэ, унаследовавъ его, какъ равно и все состояніе, отъ бездѣтнаго принца де Шимэ, умершаго во Флоренціи.

Трое родившихся въ отсутствіе Талльена дѣтей были записаны подъ дѣвичьимъ именемъ своей матери. Эти трое Кабаррю, по ея смерти, хотѣли, чтобы принцъ де-Шимэ призналъ ихъ своими дѣтьми, но три закон-

ныхъ принца воспротивились этому, полагая, что главною цѣлью такого требованія ихъ было желаніе заявить свои права на предстоящее наслѣдство.

Но, такое толкованіе было признано министромъ общественныхъ дѣлъ неправильнымъ и три принца подверглись строгому выговору.

Съ другой стороны, молодые Кабаррю, процессомъ 27-го сентября 1835 года, осрамили себя, такъ какъ имъ было поставлено на видъ, что ихъ домогательства безчестятъ память ихъ матери. А такъ какъ Талльенъ передъ смертью не отрекся отъ нихъ, и, кромѣ того, было доказано, что онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Парижъ изъ Египта, то судъ призналъ ихъ законными дѣтьми Талльена.

Такъ закончился споръ между дѣтьми знаменитой женщины, прославившейся въ исторіи не подъ пышными именами маркизы де-Фонтеней или принцессы де-Шимэ, а подѣ болѣе скромнымъ именемъ Талльенъ, славу котораго омрачить никто уже не въ состояніи!